
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

MONGOLICA-III

Из архивов отечественных монголоведов XIX — начала XX вв.

Составитель и автор предисловия И.В.Кульганек

Санкт-Петербург
Издательство "Фарн"

1994

"Монголика-III". — СПб., "Фарн", 1994. — с.96 с илл.

ISBN 5-900461-028-5

Сборник издан на средства фонда "Культурная инициатива"

Сборник, состоящий из двух частей: "Из истории российского монголоведения" и "Монголоведение сегодня", ставит своей целью заполнить многочисленные лакуны и восстановить "забытые страницы" целых периодов существования монголоведной науки. Главными источниками данного исследования явились архивные материалы, впервые введенные в научный оборот. Книга рассчитана как на профессионалов-монголоведов, так и на более широкий круг читателей публики, интересующейся историей культуры России.

Отв. редактор С.Г.Кляшторный

ISBN 5-900461-028-5

© Все авторские права сохранены. Перепечатка отдельных статей преследуется законом и разрешена только с согласия авторов.

© Издательство "Фарн", 1994.

© Виноградова Н.А. Оформление, 1994.

Содержание

Foreword	5
Предисловие	8
Из истории российского монголоведения	
В.Л.Успенский. Монголоведение в Казанской Духовной Академии	11
Е.М.Даревская. Англичанин из Лондона в ургинской школе	18
К.Н.Яцковская. Неопубликованные материалы 20-х годов из личного архива Н.П.Шастиной (1898-1980)	23
Н.П.Шастина. Китайцы-иконописцы в Улан-Баторе	26
Н.П.Шастина. Фрагменты статьи об аймачном храме "Орлуд"	28
И.И.Ломакина. В.А.Казакевич как монголист и его материалы о Джа-ламе	35
В.М.Алпатов. Советское востоковедение в оценках Н.Поппе	38
Е.М.Даревская. Письма И.М.Майского А.В.Бурдукову	47
Н.А.Симукова. Имя А.Д.Симукова возвращается в науку	57
Список опубликованных работ А.Д.Симукова (на русском языке)	61
А.Симуков. Доклад о двенадцатилетней работе в МНР и ее результатах	62
А.Симуков. Итоги работы Географического отделения Научно-Исследовательского Комитета МНР за 15 лет	64
Монголоведение сегодня	
Дмитриев С.В. Версии коронации Темучина с точки зрения политической логики (I. Теб-Тенгри)	72
Ю.В.Кузьмин. Русско-монгольские отношения в 1911—1912 годах и позиция общественных кругов России	75
С.Кибирова. Лютни Центральной Азии в инструментарии монголов, бурят и уйгуров	80
В.К.Шивлянова. Коллекция валиков Б.Я.Владимирцова в Пушкинском доме	86
Н.С.Яхонтова. "Краткое [изложение] "Ключа разума"	89

В.М.Алпатов

Советское востоковедение в оценках Н.Поппе

О советском востоковедении 20-30-х гг. написано не так уж много воспоминаний. Поэтому особый интерес вызывают объемистые мемуары одного из крупнейших отечественных ученых тех лет — Николаса (Николая Николаевича) Поппе, изданные в 1983 г. в США [1], а незадолго до смерти их автора, в 1990 г., появившиеся в Токио в японском переводе [2]. Этому ученому довелось пережить всех коллег своего поколения и многих из своих учеников, однако вторая половина его жизни проходила вдали от Ленинграда, который Поппе навсегда покинул в 1941 г.: в 1943-1949 гг. он находился в Германии, а затем до конца жизни в США. Обращение ученого к мемуарному жанру стало отчасти вынужденным: сохранив до последних дней ясный ум, он на девятом десятке лет почти лишился зрения. Вынужденный из-за этого свертывать работу по основной специальности, Поппе решил обратиться к истории своей жизни, тем более что, как он указывает в предисловии к мемуарам, его друзья и ученики, слышавшие его устные рассказы, советовали ему сделать это. Текст "Реминисценций", наговоренный Поппе на магнитофон, затем был подготовлен к печати его учеником Х.Г.Шварцем. Воспоминания — далеко не единственный источник сведений об отношении Н.Поппе к советской науке. И ранее он следил за ее развитием и не раз публиковал рецензии и обзоры, особенно следует отметить его очерк советской алтаистики в международном коллективном труде [3]; см. также его предисловие к японскому изданию трудов Е.Д.Поливанова [4]: оценки этого ученого, во многом текстуально совпадающие с воспоминаниями, даны там в более полном варианте.

Оценивая воспоминания Н.Поппе, следует иметь в виду три обстоятельства, в той или иной степени снижающие их ценность.

Во-первых, как и всякие мемуары, они основаны прежде всего на индивидуальных воспоминаниях и потому не только субъективны, но зачастую неточны. В случае Поппе это усугублялось и тем, что он писал об очень давних событиях, и тем, что, живя в другой стране и почти лишившись зрения, он был затруднен в проверке сообщаемой информации. Поэтому у Поппе немало путаницы в датах, именах и в передаче фактов. Например, аресты тех или иных упоминаемых им лиц он постоянно относит к "чистке 1937 г.", хотя нередко они происходили в иное время, а говоря о 1937 г., он

рассказывает об обстоятельствах ареста академика Е.Ф.Карского, который как раз умер своей смертью за шесть лет до этого: Карский, видимо, спутан с кем-то другим. Субъективные впечатления для Поппе важнее всего даже там, где их легко можно было бы скорректировать: он пишет, что С.Е.Малов был много старше Б.Я.Владимирцова, хотя разница в возрасте составляла лишь четыре года. К тому же очень многое у Поппе основано на слухах и легендах, ходивших в академических кругах. Например, он пишет, что будто бы И.В.Сталин и Н.Я.Март были знакомы и разговаривали по-грузински. Конечно, этот факт имеет ценность как свидетельство тех разговоров, которые ходили о влиятельнейшем в научной среде тех лет Марре, но документально этот факт не подтверждается. Известно лишь, что выступая на XVI съезде ВКП(б) с приветствием от ученых, Март в присутствии Сталина произнес несколько фраз по-грузински, а дальше стала формироваться легенда.

Во-вторых, Поппе, не надеявшийся, что его мемуары получат когда-нибудь известность на его бывшей родине, писал их в расчете на американского читателя. Здесь ему необходимо было руководствоваться принципами, о которых так говорил нам один американский славист: "Если Вы пишете для американцев, Вы не можете писать "Чехов". Вы должны всякий раз писать: "Русский писатель А.П.Чехов (1860-1904)". Поэтому значительная часть книги Поппе посвящена не только объяснению того, что такое отчество и кто такие доцент и кандидат наук, но и рассказу о событиях русской и советской истории, свидетелем которых автору воспоминаний пришлось быть. Для нас большинство этой информации достаточно известно, а жизнь самого Поппе связывается чаще всего с историческими событиями лишь формально, например: "Летом 1939 г. я поехал в санаторий в Эссентуки на Северном Кавказе, где минеральная вода считается исцеляющей от всех видов заболеваний органов пищеварения... Однажды в августе мы услышали новость о том, что между Советским Союзом и нацистской Германией заключен пакт" [1, с.144-145]. Исторические события также описываются по памяти и с массой неточностей. Например, сказано, что Сталин сделался генеральным секретарем партии в 1929 г. (на самом деле в 1922 г.), и дважды [1, с.129, 244] утверждается, что

США в 1933 г. первыми в мире признали советский режим, тогда как они это сделали, наоборот, последними из крупных держав.

Исторические оценки Поппе вполне совпадают с принятыми на Западе (а теперь в значительной степени и у нас), отличаясь лишь очень большой резкостью в отношении СССР и большевиков, превосходя в этом отношении американские стандарты и приближаясь к тону нынешней постсоветской прессы. Например, в связи с признанием Ф.Рузвельтом СССР Поппе выражает сожаление и считает, что именно оно развязало Сталину руки для "великой чистки". Для истории науки подобные рассуждения дают мало.

В-третьих, вся книга проникнута духом самооправдания, заставляющим автора что-то в своей жизни особо подчеркивать, а о чем-то умалчивать. Его биография сложилась так, что он в разное время служил трем враждебным друг другу режимам: советскому, гитлеровскому и американскому, причем как специалиста по редкой монгольской тематике его привлекали для консультаций то советский Генштаб, то СС и власовское командование, то госдепартамент и ЦРУ. Если помощь американским органам не требовала оправданий, то две другие политические системы не могли пользоваться симпатией у потенциального читателя, а прошлое Поппе было известно (до 1949 г. его не пускали в США как коллаборциониста). К тому же отсутствие должной информации приводило к тому, что Поппе наряду с тем, что он делал, могли приписывать и то, чего он не делал. Как раз когда Поппе работал над мемуарами, в 1980 г. историк Ф.Ф.Перченко опубликовал в Париже под псевдонимом "Вознесенский" статью [5], где очень неосторожно отозвался о позиции Поппе в 30-е гг., назвав его кроме всего прочего "секретарем парторганизации Института востоковедения" (статья Ф.Ф.Перченка, не бывшего свидетелем описываемых им событий и основывавшегося исключительно на устной молве, вообще отличается большим числом фактических неточностей). Поппе пришлось дезавуировать эту публикацию и привести фотокопию своего военного билета 1940 г., где стоит "беспартийный".

Но оправдываться надо было и во многом другом. Там, где это возможно, Поппе стремится к полной реабилитации: например, он старается целиком оправдать Власова и его окружение. Там, где это невозможно, он сглаживает острые углы. Это заметно при описании службы у гитлеровцев (он признает, что работал в институте, подчиненном СС и таким личностям, как Шелленберг и Кальтенбруннер, но подчеркивает, что управление, в состав которого он входил, было отделено от гестапо, а его работа основывалась лишь на открытых источниках информации), но здесь нам трудно проверить сообщаемые сведения. В отношении же своей деятельности в СССР он явно "забывает" о многом.

В конце книги [1, с.307-311] Поппе приводит избранный список своих главных научных трудов. Конечно, любой ученый вправе формировать такой список по своему усмотрению, тем более что он дает и отсылку на полную библиографию своих работ. Но показательно, что Поппе не включил сюда все наиболее "советские" свои публикации. Прежде всего нет двух книг, посвященных социолингвистическим проблемам: "Лингвистические проблемы Восточной Сибири" [6] и "Бурят-монгольское языкознание" [7], наполненных формулировками типа: "Латинизация, например, бурят-монгольской письменности — не только замена алфавита другим, но вместе с тем переход от феодального, ламского литературного языка, языка эксплуататорского класса, паразитического класса, на литературный язык, построенный на разговорном языке широких трудящихся масс" [6, с.22]. Зато говорится о том, как Поппе безуспешно пытался

защитить традиционную бурятскую культуру перед местными руководителями. Говоря о Н.Я.Марре, Поппе упоминает, что он, проявив на какое-то время интерес к его "новому учению", затем понял его ненаучность и перестал им заниматься. И ни слова не только о многочисленных похвалах Марру и его теории в работах Поппе 30-х гг., но и об освоении им одной из марровских идей: тезиса об ошибочности основных положений сравнительно-исторического языкознания, которые "базируются исключительно на формально-лингвистических исследованиях" [6, с.54]. Поппе, до того, в 20-е гг., и после того, уже в США, внесший выдающийся вклад именно в компаративистику, в 1933 г. заявлял, что у нас "иные цели и задачи" [6, с.23], и даже в 1940 г., когда страсти в советском языкознании заметно поостыли, опубликовал статью [8], где также обличал "праязыковую теорию" на примере гипотезы обурало-алтайском родстве; статья также не названа в мемуарах.

Поппе много пишет о чистках и проработках в академической и вузовской среде, упоминая о себе лишь в качестве жертвы; заметим, впрочем, что в главе "Чистка Академии наук" Поппе совсем не пишет о том, как "чистили" его самого, а самая большая кара, упоминаемая им в главе "Жизнь в тридцатые годы" — отмена планировавшейся весной 1937 г. командировки в Монголию. В то же время в 80-е гг. он явно недоброжелателен к Е.Д.Поливанову как к коммунисту, не упоминая о том, как сам за полвека до того обвинял этого ученого в "протаскивании буржуазных идей и теорий" и в том, что его книга "За марксистское языкознание" не имеет "с марксизмом ничего общего" [6, с.3]. В воспоминаниях упомянут бурятский ученый Б.Барадийн, "очень ученый бурят" [1, с.98], его оценка вполне положительна. Но в 1933 г. Поппе называл предложение Барадийна использовать для бурят халха-монгольский литературный язык "антимарксистским" [5, с.16] и клеймил этого ученого за то, что он для термина "диктатура" (в том числе и пролетариата) предложил использовать бурятское слово, дословно означающее "правительство, держащееся насильем" [6, с.24-25].

В воспоминаниях Поппе постоянно подчеркивает свою постоянную, начиная с самого 1917 г. неприязнь к "правительству, держащемуся насильем" и ко всему, что с ним было связано. Но в публикациях того времени, особенно в 30-е гг., Поппе явно старался не просто "не высываться", что он подчеркивает в воспоминаниях, но и "быть святее папы". Кому-то это нравилось. Французский языковед-марксист О.Соважо, отказывая Марру в праве именовать марксистом, считал гораздо более близкими к учению Маркса и Энгельса других советских лингвистов, среди которых на первое место ставил ... Поппе [9]. Но были и другие оценки такого поведения, ставшие особо негативными после его перехода на сторону немцев. И их отголоски и попали в статью Ф.Ф.Перченка.

Так что не следует переоценивать достоверность воспоминаний Поппе: не будучи в ряде случаев искренним по отношению к себе, он мог быть и неискренним и предвзятым в отношении других. И тем не менее нельзя и отвергать эти воспоминания. При всех неизбежных неточностях прекрасная память Поппе сохранила немало живых черт эпохи и любопытных эпизодов, а авторская самоцензура, отфильтровывая одно, сохраняла другое, нередко весьма примечательное. И можно лишь пожалеть, что автор, потратив много места на пересказ исторических событий, в целом довольно скуп на рассказ о научной жизни. Он целиком занимает лишь одну, вторую главу "Мои университетские годы" [1, с.33-54], кое-какие "реминисценции" содержатся и в других главах.

Вот, например, описание защиты диссертации Поппе в 1923 г. в Петроградском университете, на факультете, уже именованном факультетом общественных наук, но сохранившим традиции прежних историко-филологического и восточного факультетов. Поппе пишет: "Интересно отметить очень дружелюбную атмосферу на защите, которая проходила в присутствии всего факультета... Присутствовало около сорока профессоров и много доцентов. Декан открыл собрание, сказав: "Первый пункт нашей повестки дня — защита магистерской диссертации некоего Николая Поппе, который происходит из хорошей семьи, его отец был императорским генеральным консулом в Китае и выпускником нашего университета". Тремя годами позже университет был пролетаризирован и на работу зачислили многих преподавателей общественных наук, таких как марксизм. Они были членами партии без магистерской или докторской степени, и такое вступление, как то, что сделал декан [Д.К.] Петров, стало невозможным. Скоро был сделан следующий шаг. Сами степени были отменены и никто не проходил через защиту. Но в 1923 г. университет больше тем же добрым старым университетом, каким был всегда. А декан Петров покончил в собой в 1924 г." [1, с.80-81]. Последнее событие на самом деле произошло в 1925 г.

А вот описание того, как реагировали академики-востоковеды на начало Отечественной войны. В.М.Алексеев сказал Поппе 23 июня 1941 г.: "Разве это не ужасно? Что нам делать? Немцы действительно могут завоевать нас: Советы лучше уже потому, что мы знаем, как вести себя с ними. А знаем ли мы немцев? Будем ли мы в состоянии продолжать работу при них?" [1, с.153-154]. А так, по свидетельству Поппе, говорил В.В.Струве: "Советы далеки от идеала, но я уверен, что немцы проиграют войну. Так как я никогда не ставлю на проигравшего, то думаю, что нам нужно искренне сотрудничать с Советской властью до самого конца" [1, с.154]. Отметим, что это место — единственное живое упоминание об обоих академиках в книге: о В.В.Струве больше не говорится вообще, а В.М.Алексеев, с которым Поппе однажды проделал путешествие от Ленинграда до Улан-Батора, упомянут лишь вскользь. Вообще характеристики многих ученых у Поппе избирательны: об одних он пишет довольно подробно, о других лишь один-два штриха, о третьих лишь сухие упоминания, о четвертых ни слова. Ничего, кроме чисто формальных данных, мы не узнаем из "Реминисценций" о Н.И.Конраде, Н.А.Невском, Ю.К.Щуцком и др., вовсе не упомянуты, например, И.А.Орбели и И.И.Мещанинов. Где-то это связано с недостаточной степенью знакомства, но в ряде случаев это свидетельство авторского отношения: в целом Поппе избегает отрицательных оценок, хотя, как мы увидим, из этого правила есть и исключения. Поппе не мог не общаться с возглавлявшим перед войной советскую филологию И.И.Мещаниновым или с последним предвоенным директором Института востоковедения А.П.Баранниковым, но их для него как будто нет, и молчание здесь красноречиво.

Тех же ученых, о которых Поппе пишет, он описывает с разных сторон. Наряду с профессиональной характеристикой он стремится дать описание внешности, семейной жизни, черт характера. Само включение того или иного ученого в портретную галерею, данную Поппе, уже свидетельствует об уважительном отношении к нему автора мемуаров. Однако при этом Поппе не избегает упоминать и о недостатках и слабостях этих людей, не избегая того, что принято называть слухами и сплетнями.

Портретная галерея начинается с первого учителя Поппе в монголистике профессора А.Д.Руднева, встреча с которым в апреле 1918 г. и предопределила

выбор Поппе профессии: "Руднев был очень приятный человек. В отличие от многих профессоров, общавшихся со студентами вежливо, но прохладно, он принял меня очень сердечно. С самого начала он обращался ко мне фамильярно (видимо, на "ты" — В.А.) и, хотя я был на двадцать лет его моложе, он называл меня Коля, уменьшительное от Николай, и просил меня обращаться к нему фамильярно. Конечно, я называл его более формально: Андрей Дмитриевич (то есть Андрей, сын Дмитрия). Ему было приятно узнать, что я говорю по-фински (жена Руднева была финкой — В.А.) и он понял, что я — многообещающий студент. Он дал мне его монгольскую грамматику и велел мне читать ее, запоминать столько, сколько я смогу, и вернуть ее ровно через неделю. Нельзя было терять времени, и я сразу принялся за работу. Я освоил грамматику и выучил монгольский алфавит. Когда я пришел через неделю, Руднев попросил меня прочесть и перевести довольно сложную сказку... Это была буддийская легенда... Это был очень сложный текст и, конечно, многие места я перевел неправильно. Это было начало моих монгольских занятий" [1, с. 37].

Поппе отмечает, что Руднев был хорошим преподавателем, поскольку "не водил своих студентов за руку, а заставлял их много работать самих" [1, с.38]. Поппе указывает также на его хорошее знание монгольского языка, не считая при этом Руднева крупным ученым. С сожалением он пишет о том, что их занятия продолжались недолго: Руднев, поехав в Финляндию к жене, оказался отрезан от Петрограда линией фронта и остался в Финляндии навсегда. Поппе никогда его больше не видел, но возобновил с ним переписку спустя много лет, оказавшись на Западе. По словам Поппе, "Руднев не мог преподавать монгольский язык в Финляндии просто из-за недостатка студентов, интересующихся этим языком, но так как он был прекрасным музыкантом, он преподавал по классу фортепиано в консерватории. Когда он умер, я был очень огорчен. Он был хороший друг и прекрасный человек" [1, с.38].

В том же 1918 г. Поппе стал после отъезда А.Д.Руднева учеником другого ведущего монголиста тех лет Б.Я.Владимирцова. Он был моложе Руднева и имел тогда лишь ранг приват-доцента, но в конечном итоге превзошел во всех отношениях старшего коллегу. Признавая Владимирцова более значительным монголистом, чем Руднев, Поппе гораздо сдержаннее в его человеческих оценках.

Характеристика своего главного учителя у Поппе наиболее подробна. Начинает он ее со внешности: "он был крайне близорук, имел очень нездоровый, серо-желтый цвет лица и был скорее пухл, чем толст. Он слегка заикался и страдал нервным тиком" [1, с.39]. Поппе подчеркивает обширные знания Владимирцова, который знал санскрит, тибетский и турецкий языки и прекрасно ориентировался в западной ориенталистике, получив хорошую подготовку в Париже и Лондоне у лучших ученых того времени; при этом он много хуже Руднева говорил по-монгольски. Отмечен и другой его недостаток: "Владимирцов не был так аккуратен и дисциплинирован, как Руднев. Он редко придерживался расписания и всегда опаздывал на занятия. Если занятия начинались в десять, он приходил в одиннадцать и даже позже. Занятия кончались в двенадцать, чтобы студенты могли пойти на лекции к другим преподавателям, но он продолжал лекцию до двух и студенты вынуждены были пропускать следующее занятие" [1, с.40]. Подчеркивается неаккуратность Владимирцова и в научных трудах, где всегда было много опечаток и мелких погрешностей вплоть до того, что одна из его брошюр имела подзаголовок "лекция, прочитанная 31 сентября 1919г."

Общая оценка Владимирцова неоднозначна: "Хотя Владимирцов сделался моим учителем и я очень благодарен ему за все, что он для меня сделал, я не могу не упомянуть того, что в одном отношении он отличался от Руднева и других моих учителей. Все другие поддерживали мои планы написания статей и представления докладов, но Владимирцов не любил этого и всегда старался отговорить меня" [1, с.42]. Здесь и в других разделах воспоминаний Поппе перечисляет разные случаи помех в работе со стороны Владимирцова, который никогда, за единственным исключением не давал ему материалов и даже отбирал материалы у Поппе, и часто относился неодобрительно к его публикациям, заявляя, что Поппе переходит ему дорогу и пишет на темы, на которые собирался писать он сам. Трудно сказать, насколько Поппе здесь объективен, но общая ситуация вполне достоверна, Б.Я.Владимирцов безусловно был самым талантливым и образованным среди русских монголистов, но смог занять подобающее ему место в науке лишь после смерти или эмиграции старших коллег. И как раз в этот момент появился его способный ученик, начавший догонять и в чем-то перегонять учителя! Безусловно отношения Владимирцова и Поппе не могли не быть сложными.

Причиной внезапной смерти Владимирцова в возрасте 47 лет "от первого и единственного сердечного приступа" Поппе считает его "очень нерегулярную жизнь" [1, с.43]: Владимирцов работал по ночам, пил при этом крепкий кофе с ромом, недосыпал, много курил, любил очень горячие ванны в японском стиле. На предупреждения Поппе он отвечал: "Сама жизнь плоха для нашего здоровья". Общий вывод Поппе: "Он был блестящий ученый, но он имел свои недостатки" [1, с.43]. Говорится и о личной жизни Владимирцова, его любовных историях и обстоятельствах женитьбы.

Двумя другими учителями Поппе в монголистике были А.В.Бурдуков и В.Л.Котвич. Характеристика последнего, у которого Поппе учился ойратскому, а также маньчжурскому языкам, довольно любопытна: "В отличие от Владимирцова он был очень скромен и говорил таким тихим голосом, что его трудно было слышать. Он был болезнен, страдал ипохондрией и пропускал много занятий. Однажды я спросил у его дочери Марии, библиотекаря Института (живых) восточных языков, придет ли ее отец в этот день в университет, и она ответила: "Нет. Вчера отец шагнул в лужу и промочил ноги, сегодня ему кажется, что он простужен". Такое с ним случалось часто. Котвич жил, как отшельник, в большой нетопленной квартире, и его единственным собеседником была дочь... Котвич был великий ученый, но с большими странностями, и я удивляюсь, как ему удалось воспитать маленькую дочь. Все было странно в его квартире. Однажды я был у него дома, он сидел, закутавшись в одеяло из-за крайнего холода, и мы читали ойратские тексты... Внезапно я услышал над головой сильный шум. Я посмотрел вверх и увидел сидящую на печи ворону. "О, эту ворону — сказал Котвич — я нашел на улице. Бедное животное умирало, я подобрал его, принес сюда и теперь оно живет с нами" [1, с.45]. О научной деятельности В.Л.Котвича Поппе почти не пишет.

Характеристика А.В.Бурдукова, наоборот, суха и в основном сводится к биографическим данным. Он "был человеком с очень ограниченным формальным образованием, но много читал и очень интересовался этнографией, фольклором и языками. Он собирал монгольские тексты, песни и другие материалы и был исследователем-самоучкой" [1, с.44]. Большая часть посвященного ему абзаца сводится к рассказу о двух его арестах: временном в 1933 или 1934 г. и окончательном в 1941 г.

Из трех своих учителей в области тюркологии Поппе наиболее подробно пишет о А.Н.Самойловиче, меньше о С.Е.Малове и совсем немного о П.А.Фалеве, рано умершем в 1921 г. от сыпного тифа, которым заразился во время командировки в Туркестан.

Характеристика А.Н.Самойловича — одна из самых благожелательных: "Он был весел, добродушен и дружелюбен. Он любил хорошую еду и вино и рассказывал много шуток. Во всем он был прямой противоположностью Котвичу. Котвич не говорил по-монгольски или калмыцки совсем, Владимирцов говорил по-монгольски довольно плохо, но Самойлович прекрасно владел турецким. Он также говорил по-узбекски и крымко-татарски и основательно знал туркменский. Его работы были многочисленны, и он был прекрасным и очень приятным учителем" [1, с.46]. Занятия Самойловича со своим учеником были однако прерваны его командировкой в Турцию. Позднее А.Н.Самойлович много помогал Поппе, в этом отношении последний противопоставляет его Б.Я.Владимирцову. Именно Самойлович поручил ему написать "Учебную грамматику якутского языка", ставшую первой монографией Поппе (ее должен был писать сам Самойлович, но он оказался слишком занят другими делами), он же пригласил Поппе на Первый съезд тюркологов в Баку в 1926 г., ставший для молодого ученого первым международным конгрессом. Поппе пишет: "Я очень любил Самойловича, и мне очень его не хватало после его исчезновения" [1, с.47]. Поппе рассказывает, что летом 1938 г. он и Самойлович одновременно отдыхали в Кисловодске, Поппе с семьей несколько раз навещал старшего коллегу, но когда они пришли в санаторий очередной раз, то узнали, что ночью Самойловича забрала. Последний рассказ вызывает ряд вопросов. Самойлович был арестован в октябре 1937 г., а к лету 1938 г. уже был расстрелян. Если это лишь ошибка в дате и речь идет о лете (а точнее, осени) 1937 г., то как данный рассказ совместить с другим местом воспоминаний, где сказано, что лето 1937 г. семья Поппе проводила не в Кисловодске, а в Анапе, где Николай Николаевич узнал об аресте своих коллег по монгольскому кабинету ИВ АН СССР, а затем вернулась в Ленинград?

Очень положительна и характеристика С.Е.Малова, которую хочется привести почти полностью: "Он говорил на тюркских языках свободно, но с ужасным произношением. Владимирцов часто смеялся над ним, говоря, что ему медведь на ухо наступил. Малов однако хорошо теоретически разобрался в тюркских языках. Он был многолетним сотрудником и помощником знаменитого тюрколога Радлова. Малов знал дневнеуйгурский язык лучше, чем кто-либо в мире. Он написал великолепные труды о языках желтых уйгуров и других народов. Он говорил на севернорусском диалекте... (опускаем описание оканья - В.А.). Он также был довольно эксцентричен. Он никогда не пользовался телефоном, потому что боялся его, объясняя, что "что-то может вдруг прыгнуть мне в ухо". Уходя из комнаты, где горел свет, он обычно говорил: "Давайте потушим электричество", как будто это была свеча. Когда он бывал в гостях, он пил вино только в самом начале, объясняя: "Моя жена может заметить, что я выпил, и приказать: "Открой рот и дыхни, старый черт!"... Малов умер в 1957 г., когда я был в США" [1, с.47].

Последним из непосредственных учителей Поппе по университету описан Ф.И.Щербатской, у которого Поппе учился тибетскому языку. О нем сказано: "Это был очень ученый человек и хороший педагог, хотя, может быть, немного слишком требовательный!" [1, с.48]. Отмечена впрочем удивительная для столь крупного

ученого слабость к женскому полу, иногда причинявшая ему неприятности. Но было в нем для Поппе большое достоинство, компенсировавшее его некорректное обращение с женщинами: "Щербатской был однако храбрый и честный человек и он никогда не скрывал свои подлинные взгляды. Он ненавидел все, что Советы называли демократией. Я помню, как на Коллегии востоковедов профессор Конрад, хорошо известный японист, представил доклад о демократических институтах в древней Японии. Во время последующей дискуссии Щербатской спросил его: "Скажите, профессор, что Вы называете демократией?". Конрад ответил: "Когда люди имеют право встречаться и обсуждать проблемы, голосовать и избирать", на что Щербатской возразил: "Неужели! Так и любому дураку разрешалось говорить все, что он вздумает". Замечание прозвучало, как взрывающаяся бомба, и все боялись, что Щербатского арестуют" [1, с.48].

Вслед за характеристикой Ф.И.Щербатского идет рассказ о П.К.Коковцове, хотя он не был непосредственным учителем Поппе. Эти два ученых несомненно сближались для Поппе своим откровенно негативным отношением к власти. Подчеркнуто, что Коковцов "был несомненно великий ученый и очень честный человек" [1, с.49]; упоминается, как он в 1937 г. (на деле, видимо, несколько раньше) безуспешно хлопотал за арестованных учеников М.Н.Соколова и А.П.Алявдина. Наиболее подробно говорится об экспертизе Коковцова по делу Бейлиса в 1911 г. Наряду с честностью и стойкостью подчеркивается и странность этого ученого: "Владимирцов встретил Коковцова на мосту через Неву в Петрограде. Коковцов был в шляпе, а другую шляпу нес в руке. Владимирцов спросил: "Вы, профессор, купили новую шляпу?". "Нет", ответил Коковцов, "это старая шляпа, но несколько дней назад я видел, как здесь ветер сорвал с человека шляпу. Я подумал, что такое же может случиться и со мной, и я теперь ношу с собой запасную шляпу". Коковцов был холостяк и был против брака. По его мнению, ученому не следует жениться, поскольку брак помешает его работе. Когда его ученик М.Н.Соколов захотел жениться, Коковцов сказал: "Не женитесь. Если Вы действительно нуждаетесь в женщине, Вы всегда можете пойти в бордель". Соколов однако не послушался его совета, женился, за что долго был в немилости у Коковцова" [1, с.49-50].

Почти все перечисленные выше востоковеды, кроме, пожалуй, А.Д.Руднева в той или иной степени были, по выражению Поппе, "эксцентриками" и отличались теми или иными странностями. Им в воспоминаниях противопоставляется другой, более нормальный тип ученого, к которому отнесены В.В.Бартольд и особенно С.Ф.Ольденбург. Но и у Бартольда, помимо непривлекательной внешности, косоглазия и хромоты, был один специфический недостаток: очень неразборчивая дикция, связанная с заиканием; при этом он приходил в ярость, когда его пытались переспросить. Когда Поппе сдавал ему экзамен, он, не расслышав один из вопросов и боясь переспросить академика, счел меньшим злом сказать: "Не знаю". Экзамен все же был сдан. Научную деятельность В.В.Бартольда Поппе также оценивает очень высоко, а его смерть в 1930 г. отмечает как "огромную потерю для мировой науки" [1, с.101].

У С.Ф.Ольденбурга же, по словам Поппе, "не было никаких странностей, кроме разве что полной неспособности понять шутку или анекдот" [1, с.51]. Этот востоковед также оценивается исключительно высоко, Поппе называет его: "Один из великих ученых и выдающихся слуг народа" [1, с.51]. Весьма положительно относится он и к деятельности Ольденбурга как непрямого секретаря Академии наук и руководителя отечественного востоковедения (правда, признает-

ся, что его директорская деятельность в Азиатском музее не была активной из-за занятости в Академии); ср. совершенно иную оценку в [5], где Ольденбург весьма резко обвиняется в слишком большом потворстве большевикам. Отметим, что Поппе, особо подчеркивая оппозиционность Ф.И.Щербатского, не акцентирует лояльное отношение к власти симпатичных ему ученых: С.Ф.Ольденбурга, А.Н.Самойловича и др., как, впрочем, и себя самого.

Говоря о С.Ф.Ольденбурге, Поппе противопоставляет отношение к нему власти при Ленине, вполне благожелательное, и отношение в сталинские времена, когда при академических чистках 1929-1930 гг. С.Ф.Ольденбург оказался одним из главных объектов удара. Поппе описывает, как после зарубежной поездки Ольденбурга, где он посетил сына-эмигранта, его принял Ленин, спросивший академика, встречался ли он в Париже с сыном. "Когда Ольденбург сказал, что встречался, Ленин ответил: "Я понимаю Вас". Этот эпизод показывает, насколько Ленин был человечнее, чем Сталин, который впоследствии сурово накажет Ольденбурга" [1, с.51]. В других местах книги, впрочем, и о Ленине говорится весьма резко.

Последний из вполне "своих" ученых старшего поколения, описанный в главе "Мои университетские годы" — лингвист Л.В.Щерба, "превосходный ученый и педагог... Он был дружелюбный человек, часто приглашавший коллег, выпускников и способных студентов к себе домой праздновать Татьянин день (18 (так — В.А.) января), в который Петербургский/Петроградский университет был основан в 1818 (в этот день был в 1755 г. основан Московский университет — В.А.). Как и Самойлович, Ольденбург и Бартольд, Щерба как будто был расположен ко мне" [1, с. 51-52].

В других главах эта портретная галерея учителей и старших коллег дополняется еще двумя учеными: Ф.А.Розенбергом и Л.Я.Штернбергом. Оба они также оцениваются очень высоко. Иранист, заместитель С.Ф.Ольденбурга по Азиатскому музею (фактически директор его) Ф.А.Розенберг, дядя Тедди, как его именовала молодежь музея, охарактеризован как "очень добрый и приятный человек с великолепными манерами, джентльмен с головы до пят" [1, с.83]. Этому ученому, как указывает Поппе, очень не повезло во время академической чистки: ему пришлось уйти с работы; от полученного удара он так и не оправился (обстоятельства последних лет его жизни изложены у Поппе не совсем точно).

Л.Я.Штернберг, выдающийся этнограф, также был учителем Поппе, но не по университету, а по Географическому институту, куда Поппе еще в студенческие годы, с 1919 г. устроился на работу. Л.Я.Штернбергу нужен был человек, знавший финский язык, для составления этнографической карты Петроградской губернии; в 1920 г. он отправил Поппе в его первую экспедицию к карелам Тверской губернии. Поппе также высоко оценивает Штернберга как ученого и человека: "Он был добродушен и добр... Хотя профессор Штернберг был добрый человек, или, может быть, потому, что он был добрый человек, он много страдал от интриг людей, пытавшихся подорвать его положение. Он так привык к тому, что те, кому он помогал, выступали против него, что однажды сказал мне про одного из них: "Странно, что он подрывает мое положение и интригует против меня, ведь я ничего для него не сделал" [1, с.67-68]. Поппе упоминает о прошлой революционной деятельности Штернберга и рассказывает о том, что он был освобожден из ссылки благодаря заступничеству В.В.Радлова, обращавшегося к жене Александра III. О его политических взглядах Поппе пишет так: "Штернберг был революционером старой школы, для которого свобода была наивысшим принципом, и он страдал в душе при Советах.

А умер в 1927 г. Если бы он прожил дольше, он вероятно был бы арестован и умер в концлагере" [1, с.68].

Все перечисленные ученые, кроме отчасти Б.Я. Владимирцова, с которым у Поппе бывали конфликты, описаны в воспоминаниях с самой лучшей стороны. Поппе отмечает их чудачества, некоторые личные недостатки, но все они для него "свой", выходцы из "доброе старое университета".

С некоторыми оговорками в этот ряд включается и Н.Ф. Марр, с которым Поппе познакомился в 1918 г., когда он был деканом факультета, на котором будущий монголист начинал учиться. "Новое учение о языке" еще не сформировалось, сторонником пролетарской идеологии Марр себя еще не объявлял, зато он был уважаемым представителем корпорации русских востоковедов. Это и определяет отношение к нему Поппе, не изменившееся даже много десятилетий спустя: "Одним из первых ученых, которого я встретил в самом начале моих университетских занятий, был Николай Яковлевич Марр, знаменитый как отличный филолог и знаток армянского и грузинского языков" [1, с.52]. "Новое учение о языке" Поппе, разумеется, отвергает, но при этом пишет: "Несмотря на это я остался в дружеских отношениях с Марром, который, несомненно, был джентльменом и хорошим и благородным человеком... В пользу Марра говорит то, что ему удавалось спасти немало людей из когтей секретной полиции" [1, с.53]. Последнее утверждение соответствует действительности и подтверждается другими свидетельствами [см. 10, с.28; 11, с.134]. Однако Марр принес нашей науке и немало бед, причем далеко не всегда вел себя в борьбе с противниками как джентльмен, но об этом Поппе умалчивает (не пишет он, как мы уже отмечали, и о собственных уступках марризму). всю вину он возлагает на "последователей и адептов" Марра, "в большинстве негодяев", которые "объявляли контрреволюционерами и антимарксистами тех, кто не соглашался с Марром" [1, с.53]. Все это верно, но есть прямые свидетельства того, что эта деятельность направлялась самим академиком, см., например, воспоминания И.В. Мегрелидзе [12, с.195]. Впрочем, Поппе не одинок в попытках противопоставить Марра его окружению, отражая легенду, прочно укоренившуюся в ленинградских академических кругах: нечто сходное писали и говорили И.А. Орбели, И.Е. Аничков, в наши дни И.М. Дьяконов. Для кругов, к которым принадлежал и Поппе, Марр всегда представлялся как "свой" ученый (его происхождение не учитывалось), который как бы по определению не мог вести себя так же, как полуграмотные "выдвиженцы". А ведь вел!

Вслед за характеристикой Марра следуют слова: "Таковы были великие люди, в тени которых я работал в университете. К сожалению, там были и не такие хорошие люди. К категории человеческих отбросов принадлежал Евгений Дмитриевич Поливанов, блестящий лингвист и автор первоклассных трудов по японскому языку, тюркским языкам, сравнительному алтайскому языкознанию и другим проблемам" [1, с.53]. Столь двойственная характеристика у Поппе уникальна. В более подробном варианте воспоминаний о Поливанове [4] Поппе сравнивает его с героем повести Р.Л. Стивенсона "Странная история доктора Джекила и мистера Хайда", страдавшим раздвоением личности и совмещавшим в себе респектабельного ученого и маньяка-убийцу. Отношение к научной деятельности Поливанова у Поппе однозначно положительное; в конце данного фрагмента воспоминаний Поппе еще раз подчеркивает, что он был "превосходный ученый" и признает его гибель "тяжелой утратой для научного мира", более развернуто он пишет об этом в [4] (отметим, что и отношение Поливанова к работам Поппе было весьма положительным [см.13, с.1195]). Но к Поливанову как к человеку Поппе абсолютно безжалостен,

что можно видеть из приведенного выше эпитета. Он приводит слухи и легенды о Поливанове, в чем-то верные, в чем-то преувеличенные: говорится о его наркомании, пьянстве, половой распущенности и пр., упомянуто о нем как о прототипе главного героя романа В.Каверина "Скандалист" (там действительно выведен Поливанов, но эпитет "скандалист" относится к другому персонажу); на него возлагается вина за смерть в 1918 г. востоковедов В.А.Жуковского и Н.И.Веселовского, которых Поливанов, будучи заместителем наркома иностранных дел, выселил из казенных квартир якобы из личной мести. О борьбе Поливанова с марристами сказано безоценочно, а его арест связывается в [4] с гибелью покровительствовавших ему узбекских руководителей Ф.Ходжаева и А.Икрамова (именуемого во всех публикациях Поппе Икрам-заде); теми же причинами Поппе объясняет и арест А.Н.Самойловича. По крайней мере в отношении Поливанова эта версия никак не подтверждается документами (В следственном деле речь идет о других его связях); к тому же покровительство этих узбекских деятелей, если и имело место в 20-е гг., то в период травли Поливанова марристами уже прекратилось: Поливанов под конец жизни в Узбекистане был отстранен от научной работы и бедствовал, что заставило его в 1935 г. переехать в Киргизию, где он и был арестован (а не в Узбекистане, как пишет Поппе). Повторяет Поппе и устойчивый слух (его приходилось слышать и нам даже в 60-70-е гг.) о том, что Поливанов будто бы умер в тюрьме, не выдержав лишения наркотиков. Конечно, Поппе не мог знать истинных обстоятельств расстрела Поливанова.

Чем объяснить столь одностороннюю характеристику этого выдающегося ученого? Поливанов был сложным человеком и действительно страдал наркоманией, но многие другие знавшие его люди, включая и призываемого Поппе в свидетели В.А.Каверина, рисуют совершенно иной образ. Поппе знал Поливанова не так уж хорошо. Постоянно они могли общаться лишь в 1918-1921 гг., когда Поппе был студентом, а Поливанов приват-доцентом, затем профессором, причем Поливанов не был в числе непосредственных учителей Поппе. Позже они жили в разных городах и вряд ли где-нибудь встречались лично за исключением упомянутого выше съезда в Баку в 1926 г. Поппе явно с самого начала смотрел на Поливанова глазами своих коллег по университету — востоковедов. А там тогда Поливанова не любили гораздо больше, чем Марра, многие не подавали ему руки. Происходило это по двум причинам. Хотя к тому времени были слиты историко-филологический и восточный факультеты, но старые корпоративные традиции еще сохранялись. А Поливанов был "нарушителем грани": окончив историко-филологический факультет и выучив японский язык вне университета, он еще в 1915 г. занял вакантную японскую кафедру на восточном факультете (кстати, при поддержке своего будущего врага Н.Я.Марра). Востоковеды не принимали "чужака": в 1916 г. В.М.Алексеев писал Н.А.Невскому о том, что Поливанов не может считаться полноценным японистом. Вторая причина появилась позже, но была серьезнее. После Октября Поливанов в отличие от практически всех своих коллег сразу принял революцию и зашел в отстаивании своей позиции весьма далеко: работал в 1917-1918 гг. в Наркомате иностранных дел, а в 1919 г. вступил в партию. Это окончательно отдалило его от других востоковедов, которые в то же время не могли отказать ему в научных способностях. Его личные особенности, в целом вписывавшиеся в рамки поведения "эксцентриков", которых, как свидетельствует Поппе, было немало среди петроградских филологов, лишь усугубляли ситуацию: то, что прощали членам своей корпорации, не могли простить "чужому". Поппе явно еще в студенческие годы наслушался

неодобрительных рассказов о Поливанове и, не зная близко этого ученого, остался под их влиянием до конца жизни.

Вообще воспоминания Поппе свидетельствуют, что разделение на коммунистов и беспартийных, впоследствии потерявшее былую значимость, оставалось в ленинградской научной среде важным еще долго, а для Поппе, расставшегося с этой средой в начале войны, сохранилось навсегда. Член партии, даже востоковед, для Поппе всегда человек другого мира. Даже для лучших из них принадлежность к партии — снижающий фактор: П.И.Воробьев "был коммунист, но довольно разумный", И.К.Илишкин "Был коммунист и калмык, но хороший и честный человек" [2, с.202] (последняя формулировка дана по японскому изданию: в английском варианте прямого противопоставления нет, но японский переводчик добавил его, исходя из общего контекста книги). Когда уже в конце 50-х гг. тюрколог А.С.Тверитинова встретила с Поппе на международном конгрессе и тепло с ним побеседовала (хотя другая его бывшая коллега, близкая к Поппе по духу, но запуганная после ареста и ссылки в 30-е гг., постаралась как можно скорее скрыться, увидев Поппе), ученый был рад, но в то же время удивлен: ведь в 30-е гг. Тверитинова была комсомолкой. Характерно, что Поппе не упоминает о том, что Н.Я.Марр под конец жизни вступил в партию: этот факт не укладывался в его представлениях.

Но не менее неодобрительно, чем о коммунистах, Поппе пишет еще об одной категории востоковедов: о монголистах другой школы, чем та, в которой он был воспитан — о С.А.Козине и особенно о А.М.Позднееве. Упоминания имени С.А.Козина кратки и сдержанны, что уже показатель отношения Поппе. Но его комментарии и словарь к изданию "Сокровенного сказания" названы "довольно неудовлетворительными" [1, с.76]. Намного жестче характеристика А.М.Позднеева, в отношении которого Поппе прямо отказывается следовать латинскому принципу: "О мертвых или ничего, или хорошо". Если Е.Д.Поливанова Поппе все же считает крупным ученым, то А.М.Позднеев в его интерпретации — слабый, хотя и плодовитый монголист, плагиатор и похититель исторических ценностей во время экспедиций.

Насколько верны приводимые Поппе факты, мы не берем судить. Но пристрастность его оценок очевидна. При этом Поппе не застал А.М.Позднеева в университете и знаком с ним не был, судил о нем по рассказам общих знакомых, в том числе С.А.Козина, и по следам деятельности Позднеева в Азиатском музее, уже при Поппе купившем его коллекции. Заметен разрыв между оценками у Поппе монголистов и ученых иных специальностей: последние обычно оцениваются очень высоко, а их научные заслуги описаны в рамках стереотипных хвалебных формул, монголисты же при разном к ним отношении рассматриваются серьезнее и всегда с какой-то долей критики.

Здесь Поппе следовал традиционной корпоративной структуре русского (впрочем, не только русского) востоковедения. Оно состояло как бы из отдельных отсеков по числу языков или языковых групп. Внутри каждого отсека шла борьба за лидерство, конкуренция школ, нередко появлялись люди, стремившиеся к монополии и иногда добивавшиеся ее (как это было с Н.Я.Марром в кавказоведении). Между же отсеками устанавливались обычно спокойно-благожелательные отношения, ведущие тюркологи ценили и хвалили ведущих санскритологов, обычно не читая их труды, те отвечали тем же, а классик, по определению Г.Честертона, и есть человек, которого хвалят, не читая. Поэтому именитым востоковедам так легко было попасть в классики. В большинстве случаев это, конечно, происходило заслуженно, но можно было пере-

оценить заслуги уникальных специалистов, а то и не заметить ухода за пределы науки такого живого классика, как это случилось с Марром. Единственное, чего не прощали — это вторжения "чужака", причем переход дипломированного востоковеда в смежную область еще допускался (тюркологи скорее помогали монголисту Поппе заниматься и их дисциплиной), но появление человека со стороны, будь то лингвист или миссионер, считалось нежелательным, и востоковеды разных специальностей помогали здесь друг другу его прогнать.

Поппе был достаточно широким ученым: не только монголистом, но и тюркологом и специалистом по алтаистике в целом. Но традиции на него влияли. Он не считает себя вправе сопоставлять как ученых Ф.И.Щербатского и С.Ф.Ольденбурга, отделяясь стандартными похвалами. Тюркологов А.Н.Самойловича и С.Е.Малова он уже может сравнивать, но оба для него — признанные авторитеты в области, где он по неписанным канонам был все же пришельцем. Зато в монголистике Поппе был у себя дома: боролся с конкурировавшей школой А.М.Позднеева, возглавлявшейся в его время С.А.Козиним, учился у Б.Я.Владимирцова, а потом в чем-то спорил и конкурировал с самим учителем, затем сам стал во главе школы монголоведов и в течение десяти лет после смерти Владимирцова лидировал в советской монголистике и, наконец, мог лишь издалека следить за дальнейшим ее развитием, когда она заметно измельчала после смерти или эмиграции наиболее крупных ученых. Все это иногда прямо, иногда завуалированно отражено в мемуарах.

Об ученых своего поколения или моложе себя Поппе пишет в воспоминаниях много меньше, чем о старых коллегах. Большинство имен названо лишь в связи с теми или иными конкретными событиями (особенно в связи с чистками и репрессиями), но не дана ни их человеческая, ни их научная оценка. Несколько подробнее, чем о других, он пишет об учениках Л.Я.Штернберга по этнографическому отделению Географического института, с которыми он дружил в юности.

Из них особенно подробно Поппе пишет о Надежде Петровне Дыренковой, "впоследствии ставшей известным ученым в области тюркологии" [1, с.69], автором трех значительных грамматик языков Сибири. Поппе не скрывает того, что они любили друг друга и думали о женитьбе, но Надежда решила посвятить жизнь научной работе. К сожалению, имя Дыренковой сейчас почти забыто, поэтому приведем рассказ о ней у Поппе: "Она была умна, дружелюбна и всегда готова помочь, и мы стали хорошими друзьями. Я узнал историю ее жизни. Она была одной из двух дочерей богатых родителей, владевших несколькими именьями, одно из которых находилось около железнодорожной станции Батецкая недалеко от Ленинграда (ныне Новгородская область — В.А.). Ее мать жила там в начале 20-х гг. и еще владела имением, но его должны были экспроприировать. Это заставило Надежду выйти замуж за некоего Г.К.Садикова, офицера Советских военно-воздушных сил, награжденного орденом Красного Знамени за доблесть на войне с Польшей в 1920 г. Это был брак по расчету: оба думали, что его положение в армии позволит ей сохранить имение. Однако в 1923 г. его большая часть уже была занята другими людьми, и семье осталось лишь несколько комнат. Позднее брак был расторгнут, и Садиков женился на ком-то другом. Надежда пригласила меня пожить в имении на месяц летом 1923 г. Она увлекалась археологией и уже сделала ряд раскопок русских захоронений XII-XIV вв. Я тоже кое-что знал об археологии и ранее участвовал в полевой работе и, помогая ей в исследованиях, имел возможность помочь ей спасти некоторые вещи ее семьи. На чердаке находился огромный дорогой ковер длиной около 15 метров. Ковер

надо было тайно вынести с чердака и из дома. Конечно, это было невозможно из-за его веса, поэтому я разрезал его бритвой на части, и мое сердце обливалось кровью, потому что я резал драгоценный ковер... Мы остались хорошими друзьями до конца. В конце 20-х или начале 30-х гг. ее постигло несчастье. Во время одной из ее экспедиций в Сибирь для изучения одного из тюркских народов, кажется, шорцев, она сильно обгорела на солнце. У нее был очень красивый цвет лица и нежная, белая кожа, но ее лицо оказалось полностью сожженным, и началось что-то вроде рака кожи. Когда она вернулась в Ленинград, она пошла к врачу, который определил ее болезнь как волчанку. Даже если болезнь была излечима, что-либо делать было уже поздно, и она осталась с совершенно изуродованным лицом. Она умерла от голода в начале 1942 г. (в конце 1941 — В. А.) в блокадном Ленинграде" [1, с. 69-70].¹

Пишет Поппе и о Г. Н. Прокофьеве, с которым он учился еще в гимназии. Впоследствии он стал крупным специалистом по самодийским языкам. О его дальнейшей судьбе Поппе пишет следующее: "Некоторое время он был профессором Института народов Севера, но в 1937 г. был уволен. Его положение было очень трудным, и он сильно нуждался. В конце концов его восстановили на работе, но он умер от голода с блокадном Ленинграде в 1942 г." [1, с. 68].

Высоко он оценивает и еще одну ученицу Л. Я. Штернберга, "Вера Цинциус, латышского происхождения, стала выдающимся ученым в области тунгусских языков и опубликовала ряд прекрасных работ. Ее также арестовывали где-то между 1937 и 1940 гг., но позже освободили. Ее кандидатская диссертация была столь блестяща, что профессор языкознания Щерба и я рекомендовали ее в качестве докторской. Она еще живет в Ленинграде и пользуется уважением всех, кто знает ее" [1, с. 69]. К моменту выхода в свет "Реминисценций" В. И. Цинциус уже более года не было в живых. О защите ее диссертации, происходившей вскоре после ее возвращения из заключения, перед самым началом войны, Поппе пишет и в другом месте книги.

Столь же высоко Поппе оценивает и деятельность другой ученицы Л. Я. Штернберга, занявшейся тунгусо-маньчжурскими языками — Г. М. Василевич. Все эти люди, продолжившие деятельность своего учителя по исследованию малых народов Севера, оставили след в науке. Но среди этих студентов Поппе называет и Оскара Визеля, чья судьба оказалась самой печальной: он был вскоре сослан в Среднюю Азию, где умер.

Из других своих друзей-немонголистов Поппе сравнительно много пишет о тибетологе и санскритологе А. И. Вострикове, ученике Ф. И. Щербатского, Поппе и Востриков совместно издали летописи баргузинских бурят. О Вострикове рассказывается: "Он был сыном священника, но чтобы снять подозрения в собственной религиозности, он вступил в "Общество воинствующих безбожников". Но он допустил серьезную ошибку: когда он пригласил членов этого общества домой, забыл снять со стены иконы. Его посетители увидели иконы и раздули дело. На общем собрании, где присутствовали и члены и нечлены общества, Вострикова обвинили в двурушничестве, попытке обмануть общество и назвали скрытым врагом" [1, с. 131]. Тогда с Востриковым обошлось, но весной 1937 г. он одним из первых в Институте востоковедения АН СССР "был арестован и исчез навсегда" [1, с. 131]. Лишь теперь мы знаем, что он был расстрелян. Несколько раз в книге Поппе называет своим другом также кавказоведа А. Н. Генко, потом

также репрессированного, но развернутой его характеристики не дает.

Среди монголистов своего и последующего поколений Поппе относительно подробно говорит лишь о многолетнем сотруднике по Монгольскому кабинету Института востоковедения и экспедициям В. А. Казакевиче, также арестованном в 1937 г.: "Что касается Казакевича, он всегда боялся ареста и, будучи особенно осторожным, рассчитывал защитить себя от подозрений активностью в профсоюзе "работников народного образования", к которому принадлежали все ученые. Он служил интересам общества добыванием дефицитных изданий и театральными билетами и редактированием еженедельной стенгазеты. Его трагическая судьба была результатом сделанной им ошибки. В 1932 г. он попросил командировку для исследований в Германии и Франции. Он приехал в Берлин за несколько дней до захвата власти Гитлером 30 января 1933 г. и работал в Народном (этнографическом) музее, где часто встречался с профессором Ф. Д. Лессингом, позже профессором Университета Калифорнии в Беркли. В Париже он работал с Полем Пеллио, но посещал и школьного товарища, врача Бонштедта, который эмигрировал из России вскоре после революции. Когда Казакевич готовился к поездке в Германию, я спросил Сергея Ольденбурга, в то время директора института, почему младший научный сотрудник получил командировку, а я, старший научный сотрудник — нет, Ольденбург ответил: "Если бы Вы знали, какого рода задание дано Казакевичу, Вы бы отказались от этой командировки". Я никогда не узнал о том, какую работу должен был выполнять Казакевич помимо исследовательской. Возможно, она была политической. Конечно, я бы никогда не принял предложения делать что-то кроме научной работы. Теперь, через несколько лет, стало ясно, что мне повезло, когда я не получил командировку, потому что Казакевич, как стало известно от его сокамерников, был обвинен в том, что являлся орудием в приходе Гитлера к власти (!) и общался с эмигрантами в Париже" [1, с. 134]. Если Казакевич действительно занимался профсоюзной деятельностью ради спасения от ареста, он, конечно, был очень наивен, но вопрос о том, что послужило причиной его ареста, требует проверки.

О других монголистах, в том числе собственных учениках Поппе, сказано очень мало. Если некоторые из них не оставили следа в науке, то этого нельзя сказать о двух бурятских ученых, работавших с 20-х гг. в Ленинграде, затем в Москве: ученике Б. Я. Владимирцова Г. Д. Санжееве и ученике самого Поппе Т. А. Бертагаеве. Обе фамилии упоминаются, указано, откуда они родом, сказано об их участии в возглавлявшихся Поппе экспедициях, Санжеев назван первым бурятским информантом, с которым работал Поппе, говорится и о том, что он входил в число авторов "Большого монгольско-русского словаря" (Поппе руководил его авторским коллективом). Но нет ни характеристики их научных работ, ни рассказа об их человеческих качествах, ни каких-либо эпизодов из их жизни. А ведь именно они заняли ведущее место в советской монголистике после отъезда Поппе за рубеж. "Фигура умолчания" здесь красноречива. Впрочем, кое-что о них Поппе писал в других работах, прежде всего в [3]. Причем если о Т. А. Бертагаеве говорится сдержаннее, то к Г. Д. Санжееву чувствуется явная неприязнь: критика в его адрес не слишком академична по тону, а в ряде случаев несправедлива, например, переоценивается марризм Санжеева [3, с. 301-302]. С другой стороны, и Санжеев, даже в 60-70-е гг., когда имя Поппе у нас постепенно переставало быть запретным, старался не ссылаться на его работы и, насколько мы помним, не любил о нем вспоминать. Совсем вскользь пишет Поппе о других монголистах, работавших в СССР при нем и после него:

¹ В другой работе Поппе называет Н. П. Дыренкову в числе ученых, никогда не цитировавших Марра или Сталина наряду с Б. Я. Владимирцовым, А. В. Бурдуковым, Н. К. Дмитриевым, С. Е. Маловым [3, с. 302]. Все они описаны в мемуарах, кроме Дмитриева.

Б.И.Панкратове, К.М.Черемисове, Г.Н.Румянцеве. Чуть больше сказано о дочери А.В.Бурдукова Т.А.Бурдуковой, бывшей при Поппе секретарем возглавлявшегося им Монгольского кабинета, видно, что их человеческие отношения были вполне хорошими.

Подводя итог, можно сказать, что не все в воспоминаниях Н.Поппе интересно и не все достоверно, но, как известно, любые мемуары прежде всего характеризуют их автора, а личность Поппе проявляется в них достаточно отчетливо. Поппе не был ни коммунистом, ни фашистом, ни борцом с тем или с другим, но он шел на компромиссы с любой властью и добросовестно ей служил (хотя мог ее и

не любить) ради одного: возможности заниматься любимым делом: Жизнь ставила ученого в обстоятельства, из которых он не всегда выходил наилучшим образом. Но судьба отпустила ему семь десятилетий творческой работы (с перерывом в 1945-1949 гг., когда ему не давали работать как коллаборционисту), он издал около пятидесяти книг и множество статей и рецензий. О других востоковедах Поппе рассказывает не всегда детально и зачастую обходясь стереотипными характеристиками, но в его "Реминисценциях" есть и немало живых рассказов и штрихов, характеризующих эпоху, даны любопытные портреты довольно многих ученых. И этого не так мало.

Литература

1. Poppe N. *Reniniscences*. Bellingham. — 1983.
2. Никорасу. Поппэ. Кайсо:року. Токио. — 1990.
3. Poppe N. *Altaic*. // *Current Trends in Linguistics. V. 1: Soviet and East European Linguistics*. The Hague, 1963.
4. Порива:нофу Е.Д. Нихонго=кэнкю: Токио, 1976.
5. Память. Исторический сборник. — Вып.3. — Париж, 1980.
6. Поппе Н.Н. Лингвистические проблемы Восточной Сибири. М., Иркутск, 1933.
7. Поппе Н.Н. Бурят-монгольское языкознание. Л., 1933.
8. Поппе Н.Н. Урало-алтайская теория в свете алтайского языкознания. // *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. — 1940. — № 3.
9. Sauvageot A. *Linguistique et marxisme*. // *A la lumière du marxisme*. Paris, 1935.
10. Голубева О.Д. Н.Я.Март и Публичная библиотека. Тбилиси, 1986.
11. Богданова О. Василий Леонидович Комарович. // *Вопросы литературы*. — 1988. — № 9.
12. Проблемы истории докапиталистических обществ. — Л. 1935. — № 3-4.
13. Поливанов Е.Д. К вопросу о родственных связях корейского и "алтайских" языков. // *Известия АН СССР. Серия VI*. — Т. XXI. — № 15-17. — Л., 1927.